

А.А. Тортика

ДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ХАЗАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

ВЫНЕСЕННАЯ на обсуждение проблема династических браков, практиковавшихся государственной верхушкой Хазарии – сначала каганами, а затем и царями-беками, имеет, прежде всего, самостоятельное научное значение как исследование одного из направлений государственно-политической деятельности Хазарского каганата. Специально (по крайней мере, в отечественной историографии) эта тема пока не рассматривалась.

Можно выделить несколько аспектов данной проблемы, требующих уточнения или отдельного изучения. Во-первых, это распространенность названного явления в хазарской истории, его хронология. Во-вторых, круг контактов, их регулярность и интенсивность в перечне тех государств и народов, с которыми заключались брачные союзы. В-третьих, те конкретные политические цели, которые ставили перед собой хазарские правители или их контрагенты в названной системе взаимоотношений. Очевидно, что в течение хазарской истории со второй половины VII по середину X в. политическая обстановка неоднократно менялась, менялись союзники или противники Хазарского государства и, соответственно, менялись направления брачных связей правящих родов Хазарии. Здесь одним из наиболее заметных становится вопрос о роли женщины – жены правителя – в политической жизни хазарского государства, а также о статусе обитательниц гарема, имевших разное этническое происхождение. Наконец, в-четвертых, требуют изучения те политические традиции, с которыми связано заключение межгосударственных брачных союзов, их происхождение в Хазарии, то влияние, которое, возможно, оказали на их развитие более ранние или современные Хазарскому каганату империи и государства – Тюркский каганат, Китай, Византия и Арабский халифат.

В определенной связи с проблемой династических браков находится также

вопрос о характере и динамике развития хазарского “двоевластия” (точнее – о времени смещения кагана беком и о нарастающей полноте государственных функций последнего). Как отмечает К. Цукерман, на ранних этапах существования Хазарского государства династические браки были одним из признаков полновластия кагана: “каган принимал посольства, командовал войском, выдавал дочь или сестру замуж за иноземного правителя...” [Цукерман 2002, 524]. Очевидно, что право на заключение династических браков является одной из важных прерогатив полновластного правителя. Его последовательная реализация, отраженная в источниках иностранного происхождения, позволяет хотя бы косвенно судить о внутривластных процессах и событиях.

Далее, как совершенно верно подчеркивал М.И. Артамонов [Артамонов 1962, 266–267], династические межгосударственные браки могут быть хорошим индикатором распространения мировых религий ближневосточного происхождения (иудаизма, ислама, христианства), адепты которых, особенно в средние века, избегали перекрестных брачных союзов и считали их невозможными. В отличие от них, язычники или представители традиционных религий и мировоззрений Среднего и Дальнего Востока (зороастризм, даосизм, конфуцианство, буддизм) считали допустимыми подобные браки. Также, при условии перехода в ту или иную мировую религию, брачный союз мог быть заключен между династическим представителем ближневосточной мировой религии и бывшим язычником (язычницей). Таким образом, в ходе изучения хазарской истории этот аспект может косвенно указать на время принятия иудаизма правящей верхушкой Хазарии.

Поставленные проблемы могут быть решены на основе традиционного для изучения хазарской истории и хорошо известного специалистам набора письменных

источников, характеристика которых уже неоднократно производилась в научной литературе [например, Артамонов 1962; Заходер 1962; Гадло 1979; Новосельцев 1990; Цукерман 2001; Dunlop 1954; Golden 1980]. Это: закавказская армяно-албанская и грузинская традиции, арабо-персидская литература, еврейско-хазарские документы, византийские исторические произведения. Для проведения аналогий могут быть привлечены китайские источники, древнетюркские рунические надписи и “Повесть временных лет”.

Поскольку названные источники дают достаточно разнообразный и разнородный фактический материал, дальнейшее изложение будет построено по тематическому принципу, а внутри тем – по хронологии событий. Темы формулируются в результате вычленения основных направлений династических контактов Хазарского каганата, а их приоритет определяется тем значением, которое играли эти связи в политической практике каганата. Сначала будут рассмотрены данные по хазаро-византийским династическим связям, затем по хазаро-арабским, после этого – брачные союзы с дружественными или равноправными племенами и народами, в конце будут даны сведения о принудительных браках с дочерьми потерпевших поражение и подчиненных хазарам вождей и правителей.

Одно из первых сообщений источников о попытке заключения брачного союза между Византией и сюзереном хазар – Западно-тюркским каганатом, связано с именем византийского императора Ираклия, который во время военной компании на Кавказе в 622 г. договорился о заключении династического брака с джебгу-каганом западных тюрок (Зиевиллом). Брак не состоялся, так как джебгу-каган (ябгу) погиб в междоусобной войне, начавшейся в каганате. Византийская принцесса, дочь Ираклия от первого брака – Евдокия, уже отправившаяся в дорогу, видимо, с большим облегчением для себя узнала о смерти жениха и по приказу венценосного отца вернулась домой, так и не доехав до ставки тюрок.

Никифор пишет об этом брачном договоре следующее (событие датируется И.С. Чичуровым 622 г.): “...Ираклий упрямил договор – он показал турку изображение

своей дочери Евдокии и сказал ему: “Бог соединил нас – явил тебя моим чадом. Вот дочь моя – августа ромеев. Если ты возьмешься вместе со мною за оружие и сможешь в борьбе с врагом, я дам ее тебе в жены”. Под влияние красоты и точности портрета турок воспылал любовью к оригиналу и еще больше склонился к союзу. Тотчас же он передал императору архонта и множество турок” [Чичуров 1980, 160]. Далее, около 629 г. или, скорее, в 630 г. (год смерти ябгу западных тюрок): “Ираклий приказал своей дочери Евдокии отправиться [в путь] из Византии, так как он обручил ее с турком. Но когда он узнал, что турок погиб в сражении, то повелел ей вернуться” [Чичуров 1980, 161].

По мнению И.С. Чичурова, женихом Евдокии мог быть ябгу-хаган западных тюрок Тунг ши-ху (Зеевил Феофана), который и погиб в 630 г. Интересно, что в это время западные тюрки стремятся породниться с двумя императорскими дворами – византийским и китайским. В 625 г. Тунгшеху-хан просил о браке китайского императора. Этот союз был необходим ему для повышения своего внешнеполитического престижа и получения поддержки Китая в борьбе с восточными тюрками. Китайцы медлили с ответом, лавируя между различными группировками тюрок, но, в конце концов, дали согласие на брак и даже нашли подходящую принцессу. Впрочем, и здесь брак не состоялся из-за начала военных действий между восточными и западными тюрками [Бичурин 1950, 630].

Следует отметить, что во всех названных случаях установление брачных союзов было взаимовыгодным для участвующих сторон. Ираклий получил сильного и обязательного союзника в тяжелой и затянувшейся войне с Ираном: ябгу выполнял условия договора вплоть до распада тюркского каганата в 630 г. Тюрки воспользовались победоносными походами Ираклия для захвата Албании (по договору с Ираклием это была их зона влияния), создав ему тем самым безопасный тыл в Закавказье. Как было отмечено выше, брак не состоялся в силу объективных причин, тем не менее, было положено начало для продолжения подобных взаимоотношений в будущем. Основой этих отношений были, прежде всего, военно-политические

интересы Византии на Кавказе и в Закавказье. Поскольку эти интересы были всегда актуальны, то постоянно существовала и потенциальная возможность для заключения военно-политического союза, скрепленного брачным договором, с той стороной, которая могла помочь Византии в реализации ее планов. С последней четверти VII в. такой силой на Юго-востоке Восточной Европы являлись хазары. В результате очень скоро они становятся участниками событий, одним из последствий которых было заключение первого династического брака между Хазарским каганатом и Византийской империей.

Феофан Исповедник так пишет об этих событиях (И.С. Чичуров датирует их 704/705 г., К. Цукерман 700 г. [Цукерман 2001, 312]): “Когда Юстиниан, живший [в то время] в Херсоне, заявил, что вновь собирается царствовать, тамошние жители, убоявшись опасности со стороны империи, решили либо убить его, либо выслать василевсу. А он, проведав [об этом], смог спастись бегством и, достигнув Дараса, потребовал свидания с хаганом хазар. Узнав [об этом], хаган принял Юстиниана с великими почестями, и отдал ему в жены Феодору, свою кровную сестру. Спустя некоторое время, Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой. Услышав про это, Апсимар послал хагану [посла], обещая ему множество даров, если он перешлет ему живого Юстиниана, если же нет, то хотя бы его голову. Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а [сам] приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только им дадут знать. Но так как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, [все] стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; также Юстиниан поступил и с архонтом Валгицем. [Затем] он немедленно отправляет Феодору в Хазарию, а сам, тайно сбежав из Фанагории, прибыл в Томы” [Чичуров 1980, 62–63].

Далее, в 706–707 гг., вернув себе престол, “...Юстиниан послал флот, чтобы привезти их Хазарии свою жену, но

многие корабли затонули вместе с людьми”. Хаган, услышав об этом, пишет ему: “О неразумный, неужели тебе недостаточно было двух или трех кораблей, чтобы забрать свою жену и не погубить [при этом] столько людей? Или ты считаешь, что и ее возьмешь в сражении? Знай, у тебя родился сын, пошли [за ними] и возьми их”. Юстиниан, послав кувикулярия Феофилакта, привез Феодору и Тиверия, ее сына, короновал их, и они воцарились вместе с ним” [Чичуров 1980, 63].

Статуя хазарской принцессы, а теперь императрицы Византии, была поставлена в Константинополе рядом со статуей ее мужа. Есть предположение, что в связи с этим в столице империи побывал и сам каган, чествование которого происходило у “Царской цистерны” [Кулаковский 1912, 290–291]. Ал-Масуди называет жену Юстиниана дочерью “малика хазар”. А.А. Новосельцев убежден, что в данном случае речь идет именно о хакане хазар [Новосельцев 2000, 372], который в тот период хазарской истории еще обладал всей полнотой власти в государстве. После вторичного свержения Юстиниана II в 711 г. сам император был обезглавлен, а его сын (зарезали, вытащив из церкви) и сторонники были убиты [Чичуров 1980, 166]. Судьба хазарской принцессы неизвестна.

Итак, Юстиниан II был женат на хазарке, что позволило ему в какой-то период своего изгнания и ссылки даже пользоваться военной и политической поддержкой Кагана и получить убежище в Фанагории. Хазары, вероятно, предполагали, что в случае его возвращения в Византию, они смогут приобрести могущественного и благодарного союзника. Но хазарский каган ведет двойную игру и готовится убить Юстиниана, и только своевременное предупреждение жены спасло его от смерти в Фанагории. Как только их взаимные надежды не оправдались, Юстиниан II идет на союз с дунайскими болгарами (тактически это было выгодно, так как болгары находились в непосредственной близости от метрополии). После воцарения Юстиниана хазары сначала признают его и отдают без препятствий жену и сына, но потом поддерживают восстание Вардана Филиппика. Жена Юстиниана, хазарка Феодора, и их сын, внук или племянник кагана – Тиверий,

были официально коронованы и в течение четырех лет соправительствовали императору. Таким образом, династический брак в данном случае можно считать официально состоявшимся. Основной причиной этого брака было, по всей видимости, желание кагана вмешаться во внутренние византийские дела и тем самым укрепить свои позиции в Крыму, а также приобрести сильного союзника в лице империи. По всем внешним признакам интрига закончилась удачно для хазар, но, вероятно, Юстиниан не оправдал каких-то надежд кагана и был им снова предан. Неизвестно, пытался ли каган спасти свою сестру (или дочь) и племянника (или внука). Не было и мести за смерть племянника. Интересы политики в данном случае оказались сильнее родственных отношений.

Последний династический брак между Хазарским каганатом и Византией был и самым удачным в истории хазарских внешнеполитических связей. Как известно, император Лев III в 732 г. женил своего сына Константина V на хазарской принцессе, дочери кагана – Чичак (в переводе – Цветок, Ирина после крещения). По Феофану произошло это следующим образом: “В этом году (732/733 г.) василевс Лев женил сына Константина на дочери хагана, властителя скифов, обратив ее в христианство и назвав Ириной” [Чичуров 1980, 68].

К. Цукерман напрямую связывает это событие с внешнеполитическими интересами Византии. Хазары, верные союзническим отношениям, вторгаются в Закавказье, ослабляют арабов, и византийцы снова восстанавливают некоторые из своих владений в этом регионе [Цукерман 2001, 333]. Тот же автор настаивает на том, что брак Константина V был первым династическим браком в Византийской истории, с чем нельзя согласиться. Даже если не принимать в расчет брак Юстиниана II и Феодоры, заключенный в период изгнания императора, то помолвка дочери Ираклия Евдокии с ябгу-каганом западных тюрок была заключена вполне легитимно. Брак, безусловно, состоялся бы, будь жених жив. Следовательно, для Ираклия не было формальных препятствий для заключения подобного династического союза, либо он пренебрег этими препятствиями и традицией. Прецедент имел место. Ин-

тересно, что во всех описанных случаях инициаторами брака выступают именно византийцы.

Далее Феофан сообщает о том, что: “25 января, того же, 3-го, индикта (750 г.) у василевса Константина родился сын от дочери хагана Хазарии, которого он назвал Львом” [Чичуров 1980, 68]. Известно, что Лев IV Хазарин был византийским императором с 775 по 780 г. Насколько можно об этом судить на основе сохранившихся сведений источников, Лев IV был одним из немногих (если не единственным) хазар полукровок – потомков династических браков, достигших власти и правивших в другом государстве. Для Византии это единственный случай.

Примерно в то же время, несколько позже свадьбы Константина и Чичак, хазары заключают династический союз с еще одной могущественной военно-политической силой – арабами. Этот брак был инициирован арабской стороной. Как отмечал А.В. Гадло, “мир с хазарами был закреплен браком Язида ибн Усайда с дочерью кагана”. По его мнению, этот брак свидетельствовал о завершении арабо-хазарских войн и признании южных границ и сферы влияния каганата [Гадло 1979, 162–163].

Язид ибн Усайд ас-Сулами был наместником Армении с 752/3 г. до 70-х гг. VIII в. Идея брака с хазарской принцессой исходила от халифа Мансура (754–775 гг.), который рассчитывал таким путем вступить в союз с каганом. Наиболее подробно об этом браке пишет Ибн А’сама ал-Куфи. Брак этот мотивировался арабами тем, что было необходимо обезопасить от набегов хазар закавказские владения Халифата. Единственным способом достигнуть мира халиф считал союз с каганом, закрепленный браком с правителем Армении. Язид выполнил поручение халифа и попросил у кагана Багатура руки его дочери – Хатун (видимо это все-таки не имя, а статус – принцесса). Каган согласился, отдал дочь и дал за нее богатое приданое (100 тысяч дирхемов, 4 тысячи кобылиц с жеребятами, 1 тысячу мулов, 10 тысяч хазарских верблюдов мелкой породы, 1 тысячу двугорбых бактрийских верблюдов, 100 тысяч овец, 10 крытых повозок с двоями, обитыми серебряными и золотыми

пластинами, внутри устланных черным мехом и обтянутых парчой, 20 повозок с драгоценностями и утварью). Сопровождали принцессу 10 тысяч хазар из лучших фамилий – поистине «царский поезд».

Хатун приняла ислам, вышла замуж за Язида и прожила с ним 2 года и 4 месяца, родив двух детей [Артамонов 1962, 241–242]. К сожалению и она, и ее дети умерли. Ал-Куфи сообщает, что Язид был глубоко опечален их смертью, но, по данным Гевонда, хазары решили, что это было сделано арабами умышленно, и совершили набег на Закавказье [История халифов... 1862, 92]. Брак между Язидом и хазарской принцессой М.И. Артамонов датировал 759/760 гг., а набег хазар, соответственно, 762/763 гг. [Артамонов 1962, 244]. Затем, в 764 г., состоялся еще один набег. Оба набега были достаточно разрушительными и принесли большой ущерб арабам. Были разбиты их армии, а территория Албании была разграблена. Так же как и приданое, выделенное каганом, мечь хазар за якобы убитую (отравленную) Хатун и ее детей по своим масштабам соответствовала статусу принцессы – дочери кагана.

Следующая попытка династического брака между арабским наместником в Закавказье и фамилией хазарского кагана (возможно легендарная) тоже закончилась неудачно. Претендентом со стороны арабов был ал-Фадл ибн Яхья ибн Халид ал-Бармаки, сын везира и молочный брат халифа Харуна ал-Рашида. В 791 г. он был назначен наместником Армении, Азербайджана, Мидии и Каспийских провинций. После неудачной попытки воевать с хазарами он решил жениться на дочери кагана. Каган, по всей видимости, согласился и в 798/9 гг. отправил свою дочь Суб-т (С-бу-т) в Закавказье. По неизвестной причине принцесса умерла в дороге. Сопровождавшие ее тарханы сообщили, что она была коварно убита арабами. Вслед за этим каган вторгся в Закавказье и мстил за дочь, повсеместно убивая арабов [Артамонов 1962, 249–250].

Оба описанных случая династических браков между наместниками халифа в Армении и хазарским каганом были инициированы арабами. Оба брака закончились плачевно для хазарских невест, а затем и для арабов и не привели к установлению

долговременных и стабильных мирных отношений. Следует отметить, что и византийцы, и арабы сватаются к хазарам на протяжении практически всего VIII в. К началу первой трети века относится время заключения таких браков с византийцами (Юстиниан II – 700 или 704 г., Константин V – 732 г.). Во второй половине века брачными партнерами хазар пытаются стать арабские наместники Армении (Язид – около 760 г. и Фадл Бармаки – около 798 г.).

Ни в IX, ни, тем более, в X в. хазары больше уже не заключают династических браков такого высокого межгосударственного уровня. Возможно, это объясняется, в первую очередь, определенной стабилизацией военно-политической обстановки. Устанавливается некоторое, хотя и очень неустойчивое, равновесие между Византией и Арабским Халифатом. Войны продолжают, но они уже не требуют вмешательства третьей силы и заключения брачных союзов с хазарами.

Возможно также, что прекращение подобных брачных союзов можно объяснить и фактом иудаизации хазарской верхушки, которая в соответствии с известным сообщением ал-Масуди произошла как раз на рубеже VIII и IX вв. Впрочем, необходимо отметить, что К. Цукерман вслед за Дж. Марквартом и Г. Вернадским достаточно доказательно настаивает на том, что это обращение произошло не ранее 861 г., после неудачной миссии к хазарам Константина – Кирилла Философа [Цукерман 2002].

Наконец, с конца первой трети IX в. начинается постепенное ослабление Хазарии, степи между Доном и Днестром занимают венгры, а с 889 г. – печенеги. Это, вероятно, снижает роль хазар в Причерноморском регионе. В то же время, в своих военно-политических и экономических интересах они начинают в большей степени ориентироваться на местные народы Восточной Европы и каспийско-волжскую торговлю. В X в. Хазарский каганат был настолько ослаблен, что его правители могли претендовать на заключение браков только с представителями местных племен и небольших государств. Кроме того, их иудаизм, хотя бы и формальный, в это время уже не вызывает сомнения. Очевидно, что это представляло серьезные затруднения

для заключения браков с потомством христианских или мусульманских династий.

Кроме брачных союзов с такими крупными средневековыми государствами, как Византия и Арабский Халифат, хазары с самых первых шагов своей истории практикуют союзнические, иногда равноправные брачные договоры с представителями восточноевропейских племен и народов. В краткой версии Армянской Географии, в одном из первых известных и достоверных упоминаний о хазарах говорится о том, что: “Царем севера является хакан, государь хазар. Царица, или хатун, жена хакана, из народа басил” [Патканов 1883, 49; Артамонов 1962, 184; Цукерман 2001, 329]. М.И. Артамонов считал барсил болгарями, проживающими в северо-западном Прикаспии. Близкую точку зрения разделяли А.В. Гадло [Гадло 1979] и А.П. Новосельцев [Новосельцев 1990]. К. Цукерман располагает раннюю Барсилию армянских источников в Волго-Камье, что сомнительно. В любом случае, традиционный выбор главной жены хазарского кагана – хатун – из представительниц одного и того же кочевого племени подчеркивает особое, практически равное хазарам положение этого племени в каганате. Точных данных о том, сохранили ли хазары подобную традицию до конца своей истории, нет.

Барсилы были родственны хазарам и входили в состав их объединения, поэтому брачные отношения с ними носили фактически внутренний характер. В то же время уже к первой трети VIII в. относятся данные о заключении хазарами браков с представителями других, независимых от них народов. Почти одновременно с Константином V родственные отношения с хазарским каганом устанавливает владетель Абхазии Леон I. Он был женат на дочери кагана, т.е., возможно, на сестре или племяннице жены Константина V. Ребенок, родившийся в этом браке – Леон II – в середине 70-х – начале 80-х гг. VIII в. отложился от Византии и, пользуясь поддержкой хазар, стал независимым царем Абхазии. Он, с точки зрения династических связей, мог чувствовать себя достаточно уверенно и в отношениях с византийским императором, поскольку был двоюродным братом или племянником Льва IV Хазарина [Гадло 1979, 199].

Следующий пример равноправного союзнического брака связан с хазаро-венгерскими отношениями в период пребывания венгров в Восточной Европе. Константин Багрянородный пишет о том, как венгры “...жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой”¹ [Константин Багрянородный 1991, 159]. М.И. Артамонов датировал это событие серединой IX в. [Артамонов 1962, 344–345].

Венгры, как известно, были нужны хазарам прежде всего для борьбы с печенегами. По мнению К. Цукермана, заключение такого брака, когда хазарка была отправлена в кочевья венгров, означало признание Леведии в качестве независимого правителя, но не подчинение венгров хазарам. В последнем случае, по его мнению, в хазарский гарем попала бы знатная венгерская девушка [Цукерман 2002, 529]. В то же время из всего контекста сообщения Константина Багрянородного следует, что венгры в это время находились в дружественных отношениях с хазарами и хотя бы формально признавали их сюзеренитет. Избрание Арпада предводителем венгров обсуждалось с хазарами и произошло с их согласия и при их участии [Константин Багрянородный 1991, 159–163].

Напротив, у покоренных владетелей хазары забирали дочерей в гарем кагана или царя, получая таким образом своего рода заложниц, которые должны были обеспечить большую сговорчивость и послушание их отцов и братьев. Еще в самый ранний период существования хазарского государства, в 70-е гг. VII в., предводитель гуннов Прикаспийского Дагестана Алп-Илитвер “принужден был дать” свою дочь в супруги кагану (сведения “Хроники Михранидов”). Этот факт А.В. Гадло рассматривал как признак его вассальной зависимости от хазар [История агван 1861, 199; Гадло 1979, 141]. В то же время этих гуннов нельзя считать барсилами,

т.е. речь в данном случае идет не о хатун, а об одной из многочисленных жен или наложниц кагана, происходящих из числа дочерей подвластных вождей и правителей. Интересно, что несколько ранее состоялся брак другой дочери Алп-Илитвера с князем Джуаншером – правителем Албании. В этом случае гунны выступали если не в качестве сюзеренов албанского князя, то, по крайней мере, в качестве равной силы и обеспечивали себе этим браком политический союз с Албанией [История агван 1861, 153–154; Артамонов 1962, 182–183].

Один из случаев такого брака по принуждению, ставших известными авторам письменных источников, датируется первой половиной VIII в. [Семенов 2004, 1]. Тогда хазарский хакан организовал поход в Грузию и пытался принудить грузинских князей выдать за него их сестру [Новосельцев 2000, 375]. В “Матиане Картлиса” (“Летопись Грузии”) содержится предание, согласно которому каган сватался к младшей дочери царя Грузии Арчила – Шушан(е). К наследникам Арчила, братьям грузинской принцессы – Иоане и Джуаншеру, был послан хазарский посол, который просил ее руки для кагана и обещал помочь в борьбе с арабами. Грузины отказали в браке. Хазары ответили войной. Была взята крепость, в которой скрывалась Шушан(а) и один из ее братьев – Джуаншер. Ряд областей Грузии, в том числе и Тбилиси, были разгромлены, и хазарское войско отправилось назад. Но Шушан(а) отравилась ядом, спрятанном в перстне, и умерла. Не уследивший за ней хазарский военачальник Блучан был казнен (обезглавлен) каганом, а брат Шушан(ы) Джуаншер, провел сем лет в плену у хазар в качестве заложника [Гадло 1979, 198]. М.И. Артамонов считал сведения этой легенды вполне вероятными и соответствующими реалиям хазарской политики на Кавказе и в Закавказье [Артамонов 1962, 251]. В это время правом межгосударственных браков пользуется именно каган. Его прерогативы однозначны, а неудача сватовства вызывает гнев и неприятные последствия для виновников (упрямых братьев царицы, прежде всего Джуаншера, и незадачливого военачальника хазарского войска – Блучана).

Ибн-Фадлан, побывавший на Волге и в Булгаре в 921 г., однозначно пишет о бра-

ках по принуждению как об устоявшейся и хорошо известной соседям практике правителей Хазарского каганата: “...У царя хазар двадцать пять жен, причем каждая из них – дочь какого-либо царя соседних земель. Он берет их себе волей или неволей” [Ковалевский 1956, 147]. Кроме названного числа жен у царя было еще 60 наложниц, причем каждая из них жила в отдельном помещении, судя по описанию – в юрте [Заходер 1962, 34]. Как совершенно верно отмечал Б.Н. Заходер, в числе царей, дочери которых пополняли гарем кагана (или все же царя? – А.Т.), были главы не только собственно хазарских родовых объединений, но и соседних с ними народов и племен [Заходер 1962, 145]. В частности, Ибн-Фадлан рассказывает о том, как царь Хазарского каганата, используя военную демонстрацию, принудил к браку дочь правителя Волжской Булгарии Алмуша: “Дочь царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя “славян”, так что он послал сватать ее. А он высказался против него, и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя “славян”, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой» [Ковалевский 1956, 141]. Очевидно, что не каган, лишенный к тому времени всех властных функций, а именно царь (бек) Хазарии взял себе в жены знатную болгарку. Когда она умерла, то он же претендовал на брак с ее сестрой.

О том, как “экскурсиократор” алан был вынужден отдать свою дочь в жены сыну хазарского царя, сообщает анонимный автор Кембриджского документа – Текста Шехтера: “...в дни Аарона царя царь алан воевал против казар, потому что подстрекал его царь Греции. Но Аарон нанял против него царя TWRQY’, так как он [был силен]. Царь Алан пал перед Аароном, и (последний) захватил его в плен живым; но [царь] оказал [ему ве]ликий почет и взял его дочь в жены своему сыну, Иосифу. Царь алан поклялся ему в верности и царь Аарон отпустил его в его [з]емлю...” [Голб, Прицак 1997, 141]. Иосиф был последним

царем (беком) Хазарии в X в., имя которого известно авторам письменных источников. Именно от его лица составляется ответ на запрос Хасдая ибн Шафрута. Его предшественник, возможно отец, принуждает к браку болгарку. Он сам женат на аланке. Очевидно, что династические браки в это время становятся полной прерогативой хазарских царей – беков и, вероятно, уже не могут практиковаться каганами.

По мнению одного из авторов последней публикации приведенного выше документа – О.И. Прицака, в данном отрывке речь идет о событиях, происходивших в 20–30-е гг. X в. В целом с ним солидарен М.И. Артамонов, который считал, что результатом этого брака стало изгнание из Алании епископа и священников и отречение аланских князей от христианства в 932 г. [Артамонов 1962, 364].

Следует отметить, что почетное, с точки зрения константинопольского еврея – гипотетического автора Текста Шехтера, замужество дочери аланского царя, могло восприниматься самим предводителем алан как большое несчастье и унижение. Об этом свидетельствует, в частности, подобная же ситуация, описанная в “Записке” Ибн-Фадлана. Именно так воспринимал необходимость заключения родственных отношений с хазарским царем предводитель болгар Алмуш, который поспешил поскорее выдать другую дочь за вождя одного из подвластных ему племен только для того, чтобы и она не отправилась к хазарам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, казалось бы, уже “замиренный” царь – экскурсиократор Алании через какое-то время (20–30 лет) после войны, описанной в тексте Шехтера, снова нападает на хазар на дороге к “Климатам” и настроен по отношению к ним явно враждебно [Константин Багрянородный 1990, 53].

Происхождение 25 жен, положенных по регламенту хазарскому царю, можно гипотетически реконструировать на основе сообщений источников о племенах и народах, входивших в состав Хазарии. Наиболее подробный перечень таких народов содержит еврейско-хазарская переписка. Он может быть восстановлен на основе обеих (краткой и пространной) редакций ответа Иосифа Хасдаю ибн Шафруту. В “краткой редакции” говорится о том, что

на севере и северо-востоке Хазарского государства Иосифу подчиняются и платят дань “девять народов” [Коковцев 1932, 81]. “Пространная редакция” в соответствующем месте дает перечисление этих народов, правда, здесь их уже не девять, а восемь. Это – “Бур-гс, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн” (буртассы, волжские болгары, савиры или сувары, эрзя, черемисы, вятичи, северяне, славяне) [Коковцев 1932, 98].

Далее Иосифом перечисляются народы и пункты северо-западного Прикаспия, а также северного Предкавказья, вплоть до Черного моря. По версии “краткой редакции”, здесь расположено 15 подчиненных хазарам народов. По данным “пространной редакции”, в их числе: (1)² “С-м-н-д-р в конце (страны) Т-д-лу” и местность, расположенная вдоль Каспия вплоть до Дербента, т.е. территория страны или “царства гуннов”.

Затем народы названы в направлении на запад, вдоль Кавказских гор. Это: (2) “Азур, в конце (страны) Б-г-да, (3) С-риди, (4) Китун, (5) Ар-ку, (6) Шаула, (7) С-г-с-р-т, (8) Ал-бус-р, (9) Ухус-р, (10) Киарус-р, (11) Циг-л-г, (12) Зуних, расположенные очень высоко в горах, (13) все аланы до границы Аф-кана, (14) все живущие в стране Каса и (15) *все (племена)* Киял, Т-к-т, Г-бул до границы моря Кустандины...” [Коковцев 1932, 100–102]. Если принять последнее обобщение трех племен – “все (племена)” – за один пункт, то можно говорить о том, что данные “пространной редакции” практически полностью совпадают с числом 15 “краткой редакции”, а если нет, то перечислено 17 народов и пунктов. Среди этих позиций очевиден Семендер на северо-западном берегу Каспийского моря, аланы и касоги – в северном и северо-западном Предкавказье, этническое определение других народов имеет много разночтений, вызывает затруднения специалистов да и не требуется в настоящем контексте.

В следующем списке “краткая редакция” насчитывает 13 народов и мест, а “пространная” относит к их числу: “Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин” [Коковцев 1932, 102] – ровно 13 наименований. Все эти

пункты давно определены. Известно, что первым здесь назван Саркел на Дону, затем Таматарха на Таманском полуострове, все остальные пункты, от Керчи и до Гурзуфа, расположены на территории Крыма.

Наконец, последним народом, который, по версии царя Иосифа, подчинился хазарам и платил им дань, были названы печенегы – Б-ц-ра, кочующие неподалеку от Днепра – Ва-г-з (Юг-з) [Коковцев 1932, 102].

Всего в результате проведенных подсчетов получается, учитывая неточности и разночтения между “редакциями” ответов Иосифа, от 37 до 40 подчиненных народов, областей и пунктов. Уже давно общим стало утверждение о том, что во время правления Иосифа большинство названных народов и местностей не подчинялись Хазарскому каганату. Это очевидно. Тем не менее, приведенный список дает представление о том, что названные Ибн-Фадланом цифры в свое время вполне соответствовали реальности. Действительно, правитель Хазарии мог иметь 25 (и более) жен, являвшихся дочерьми правителей подчиненных ему народов. Среди них, учитывая также и данные других источников (ПВЛ, арабских авторов), в разное время могли быть: барсилки – хатун, аланки с Северного Кавказа, болгарки из Волжской Булгарии, представительницы гуннов прикаспийского Дагестана, дочери племенных вождей буртассов, касогов, вятичей, северян, полян, радимичей, венгров, гузов, различных горских народов Северного Кавказа, правителя Крымской Готии (Мнк-т – Мангуп) и т. д. Проследить эти династические связи в их конкретном проявлении и развитии не представляется возможным в силу отсутствия соответствующих сведений и источников.

Здесь очень удобной оказалась распространенная среди кочевников, независимо от их религии, норма многоженства предводителя – кагана или бека-царя. Очевидна и определенная дифференциация жен кагана, а с конца IX в. – и царя, статус которых, вероятно, должен был зависеть от значимости в политике хазар того государства или племени, представительницами которого они являлись.

Уже отмечалось, что в ранний период хазарской истории первой и главной женой кагана была представительница барсилков.

Неизвестно, сохранилась ли эта традиция до последних лет существования каганата. В любом случае статус первой жены – хатун – был весьма высок. Известно, что в 730/1 гг. во главе Хазарского каганата стояла женщина – мать умершего кагана – Парсбит [История халифов 1862, 71]. По мнению М.И. Артамонова, она, возможно, выступала в роли опекуны несовершеннолетнего кагана [Артамонов 1962, 217].

К началу IX в. относятся события, о которых сообщает Масуди. Здесь хазарский посол рассказывает везиру халифа Мамуна (813–833 гг.) о том, что, когда однажды у хазар был голод, некая хатун – “сестра хазарского царя” – убедила народ подчиниться Божьей воле. Трудно согласиться с М.И. Артамоновым, который считал, что ее брат был “низшим царем” в то время, когда существовал и некий “высший царь” [Артамонов 1962, 275]. Видимо, “низшего царя” можно квалифицировать как бека, а “высшего царя” – как кагана Хазарии, который тогда еще обладал реальной властью. Вспомним, что примерно в то же время (около 834/6 г.) в обращении к византийскому императору Феофилу с просьбой о строительстве Саркела фигурируют хаган и пех Хазарии [Константин Багрянородный 1991, 171; Продолжатель Феофана 1992, 56]. Следовательно, в качестве хатун в данном случае логичнее всего рассматривать родственницу – жену, сестру, дочь именно “высшего царя”, т.е. кагана Хазарского каганата.

Особый интерес вызывает также обращение этой хатун к “Божьей воле” в описанном ал-Масуди конфликте с голодным хазарским народом. Такая форма обращения, если она действительно имела место, может косвенно свидетельствовать, вопреки мнению К. Цукермана, об иудаизме хазар уже в это время.

Как отмечалось выше, анализ проблемы осложняется известным “двоевластием” хазар, точнее – сменой правящей династии ко второй половине – концу IX в., когда каган потерял реальную власть, и Хазарским каганатом реально правят представители династии беков – цари Хазарии [Артамонов 1962, 275–282, 408–411; Григорьев 1876, 66–78; Новосельцев 1990, 134–144; Петрухин 2001; Цукерман 2002]. В этих условиях царь-бек так же, как и в свое

время каган имеет главную жену, которая после смерти мужа сохраняет важное положение своего рода “вдовствующей хатун” (если допустимо такое выражение) при своем сыне. Об этом сообщает Иосиф: “...я живу у этой реки (Итиля – А.Т.), с помощью всемогущего, и у меня есть в моем царстве три города. **В одном (из них) живет царица со своими прислужницами и евнухами.** Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями, составляет 50 на 50 фарсахов...” – “Краткая редакция” [Коковцев 1932, 84–85]. “Пространная редакция” уточняет: “Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. **В одном (из них) живет царица; это город, в котором я родился.** Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину), описывает окружность, расположен в форме круга” [Коковцев 1932, 102]. По мнению А.Я. Гаркави, с которым согласен и П.К. Коковцев [Коковцев 1932, 110], здесь идет речь именно о матери царя хазар. Действительно – Иосиф здесь “родился”, соответственно, в этой части Итиля должна проживать его мать.

Таким образом, очевидно наличие “хатун” и в семейно-династической традиции беков-царей. Она была главной женой, матерью наследника и даже после смерти царя-отца при царе-сыне сохраняла за собой очень высокий социальный и государственный статус. Это характерно для кочевников, сходная ситуация существовала, например, в крымском ханстве. Хотя Иосиф отмечает свое тюркское происхождение и говорит о том, что только сын наследует место отца в его династии, это не мешает предположить, что его мать (жена кагана) могла быть и иного, не хазарского этнического происхождения. Если каганы брали за себя барсилы, то совсем не обязательно, что царь-беки сохранили такую же традицию. Скорее наоборот. Неизвестно, какого точно она была происхождения в каждом отдельном случае, но если исходить из данных Текста Шехтера, то иногда можно предположить и еврейские корни жены царя-бека.

В этом источнике говорится о том, что представители первой волны еврейских переселенцев в Хазарию, бежавшие от “ига идолопоклонников” (как принято считать, это событие произошло где-то в первой

половине VII в.), “породнились путем браков с жителями этой страны, смешались с язычниками”. Они получили одинаковые права с аборигенами – хазарами, поскольку “научились делам их, и всегда выходили с ними на войну; и они стали одним народом”. Жена хазарского главнокомандующего – некая еврейка по имени Серах, была в состоянии религиозно повлиять на своего мужа и способствовала тому, что он прошел обряд обрезания, стал ортодоксальным иудеем и принял имя Сабриэль [Голб, Прицак 1997, 138]. В документе сказано, что Сабриэль был не хазарином, а евреем, забывшим традиции иудаизма и сделавшим военную карьеру у хазар. Даже если это и так, то все равно он – главный военачальник – может рассматриваться как представитель высшей хазарской знати, и его семейные отношения в какой-то степени отражают принятые среди знатных хазар. Как следует далее из текста легенды, в дальнейшем Сабриэль стал царем Хазарии, т.е., возможно, родоначальником той династии беков, которая со временем, в течение IX в. узурпировала власть у династии каганов. Если это так, то царь-беки, инициировавшие в свое время принятие иудаизма хазарской аристократией, в качестве главных жен могли брать если и не евреек, то представительниц хазарских родов, принявших иудаизм.

Следует, впрочем, помнить и о том, что Текст Шехтера был написан, скорее всего, константинопольским евреем, жившим или часто бывавшим в Хазарии, и представляет собой неофициальную версию принятия иудаизма в качестве государственной религии Хазарского каганата. В официальной версии, изложенной в обеих редакциях письма Иосифа, первого прозелита зовут Булан, он явно хазарин, а его жена не только не принимает никакого участия в его религиозном просвещении, но и вовсе не упоминается в тексте источника. В этой связи сообщение Текста Шехтера необходимо рассматривать не как однозначный факт, а как прозелитическую легенду, содержащую только некоторые элементы позитивной информации. Роль Серах может быть преувеличенной, если не выдуманной вообще, с целью усиления впечатления о роли ранней еврейской общины Хазарии в иудаизации своих патронов.

Так или иначе, и у каганов, и у беков Хазарского каганата на протяжении всей его истории существовал институт хатун – старшей жены, матери или сестры, а иногда и дочери правителя. Старшая жена, вероятно, была матерью наследника, а после смерти мужа выступала в роли правительницы-опекуниши при несовершеннолетнем сыне. При взрослом сыне она сохраняла высокое социальное и, возможно, политическое положение и даже имела свой отдельный двор – “вдовствующая хатун”.

Сестра кагана так же иногда выступала в роли хатун, возможно после смерти матери кагана, и могла иметь некоторое влияние и авторитет во внутренних делах. Сестры кагана могли быть участницами международных браков высокого уровня, как, например, в случае с императором Византии Юстинианом II. Чаще замуж выдавали дочерей кагана, которых, вероятно, было немало. Возможно, что не все они происходили от первой жены – хатун и поэтому довольно свободно выдавались за относительно незначительных правителей (Абхазии или Венгрии). Иногда это могли быть и дочери от главной жены, своего рода “принцессы крови”. Логично предположить, что на такой принцессе был женат Константин V. В сообщении о браке с арабским наместником Армении Язидом фигурирует дочь кагана Хатум, т.е. принцесса. Ее имя – титул, описание богатого приданого, которое дал за нее отец, а также кровавой мести арабам за ее смерть, свидетельствует о том, что она была дочерью кагана от главной и, возможно, уже покойной жены, поскольку унаследовала ее звание.

Этническое происхождение хатун на всех этапах хазарской истории, скорее всего, не могло быть одним и тем же. Менялись политические приоритеты и союзы. Произошла смена правящей династии Хазарского каганата. Если есть данные о том, что в VII в. хазарские каганы брали за себя барсилки, то в дальнейшем они могли быть и иного происхождения. Источники донесли до нас несколько имен хазарских женщин. Прежде всего, это Феодора, жена Юстиниана II, названная так, по всей видимости, после крещения. Около 730 г. Хазарией правит Парсбит, имя которой, возможно, имеет иранский характер (аланка?). Далее в хронологическом порядке следует

назвать Чичак – Ирину, имя которой считается однозначно тюркским и переводиться как “Цветок”. Затем следует Хатун – жена Язида, вместо имени автор источника назвал в данном случае тюркский термин, обозначающий именитую женщину, аристократку. Потом в списке идет умершая на пути к своему арабскому жениху Суб-т (С-бу-т). Ее имя не поддается точной идентификации, но, возможно, также имеет тюркское происхождение. И, наконец, последней должна быть названа еврейка Серах, жена Сабриэля по Тексту Шехтера. Все эти имена, за исключением последнего, относятся к VIII в. и свидетельствуют о значительной этнической пестроте хатун, что в очередной раз отражает сложный этнический состав населения Хазарского каганата и его многочисленных соседей.

К первой половине – середине X в. большинство народов Юго-Восточной Европы выходит из Хазарского каганата и обеспечение положенного по этикету количества жен хазарского царя становится все более трудным делом, а внешняя политика хазар терпит одно поражение за другим. Усиливаются другие объединения и племена, которые успешно конкурируют с хазарами и используют сходные методы политических взаимоотношений друг с другом. Благодаря ал-Мас’уди известно, что в середине X в. между царем алан и царем Серира (Горный Дагестан) существовали брачные связи. Они были женаты на сестрах друг друга [Минорский 1963, Приложение III]. Поскольку, как отмечает А.В. Гадло, в это время царь Серира совершает регулярные набеги на хазар, такой брачный союз можно рассматривать как объединение против хазарского господства в регионе [Гадло 1979, 180]. Эта мысль находит подтверждение у Константина Багрянородного, который однозначно говорит о напряженных отношениях между хазарами и аланами и о реальной возможности нападений алан на “Климаты” Хазарии и на караваны хазар, идущие в Крым.

Очевидно, что описанные выше династические браки и браки-заложничества были нормой тогдашних политических внутри- и межгосударственных отношений, а не исключением из правил. Такие отношения были широко распространены и в других средневековых государствах,

каганатах, империях. Вероятнее всего, в случае с хазарами традицию заключения таких браков и способы их использования в политике следует рассматривать как результат политической практики Китая, воспринятой сначала Тюркским каганатом, а от последнего унаследованной и хазарами. Как отмечает скептически настроенный по отношению к идее преемственности хазарского государства от тюрков К. Цукерман, “несмотря на то, что имеющиеся источники явно не поддерживают гипотезу о происхождении хазарских каганов от династии Ашина, принадлежность Хазарского государства тюркской традиции несомненна” [Цукерман 2002, 524]. По этому же поводу П.Б. Голден писал, “что Хазарский каганат являлся государством, привнесенным в Западную Евразию извне. Его формы управления, иерархию, должности следует искать в институтах тюркского каганата, с историей которого его образование тесно переплеталось” [Голден 1993, 211–233].

В политической практике Тюркского каганата можно найти много примеров, подтверждающих эту мысль. Тюрки широко практиковали династические браки с самыми разными народами и государствами и использовали их как действенное орудие для заключения союза или подчинения противников. Выше уже приводился рассказ Феофана о помолвке между джебгу-каганом западных тюрков и Евдокией, дочерью Ираклия. Этот союз имел прямые внешнеполитические последствия и был связан с войной против Ирана, которую совместно вели тюрки и византийцы.

Об использовании тюрками брачных союзов, начиная с VI в., неоднократно сообщают раннесредневековые китайские авторы. Известно, что первый тюркский каган Тумынь (Иль-хан) в 536 г. победил и покорил телесцев. После этого: “Полагаясь на свою силу и многочисленность, он просил брака у жужаньского государя. Анахуань крайне разгневался, и послал нарочного с таким ругательным ответом: “Ты мой плавильщик: как же осмелился сделать такое предложение?” Тумынь также рассердился и убил посланного; после сего прервал связь с ханом, и просил брака у западного дома Вэй. Вынь-ди согласился, и в... (551 г.) выдал за него Чань-лэ царевну” [Бичурин 1950, Т. 1., 228].

Династический союз с той или иной державой был индикатором внешнеполитического статуса кочевого объединения или каганата, его военной мощи и политического признания. Тюрки восприняли отказ в браке со стороны кагана жужаней как оскорбление и вскоре разгромили этот народ. В то же время их требования по отношению к жужаням имели целью демонстрацию своей возросшей силы и были направлены на подчинение последних. Так же и хазары принудили к династическому союзу Алп-Илитвера, предводителя гуннов Дагестана, Алмуша – царя Волжской Булгарии, “экскурсиократора” Алании, пытались путем прямого насилия и войны добиться брака с грузинской принцессой Шушан. Эти примеры датируются всем временем существования хазарского государства, начиная с конца VII и по середину X в., и свидетельствуют об устойчивости и традиционности такого поведения.

Династическая активность тюрков распространялась и на западных государей. Около 562 г. хан Истеми отдал свою дочь за Хосроя Ануширвана. Этот брак был призван укрепить союз тюрков и Ирана против эфталитов, война с которыми длилась с 563 по 567 гг. [Артамонов 1962, 135].

Чаще всего тюрки заключали брачные союзы с Китаем. Пока Китай был раздроблен, правители разных государств конкурировали в борьбе за родство с ханом тюрков и использовали этот фактор для ослабления друг друга в междоусобных войнах. Так, около 561 г. противоречия возникли между династиями Чжоу и Ци. Чжоу были заинтересованы в союзе с тюрками и ожидали от них военной помощи. “Еще в царствование Гун-ди Кигинь помолвил дочь свою за Чжоувунь, но государь до заключения договора преставился. Вскоре Кигинь и другую дочь помолвил выдать за государя Ву-ди [из династии Северной Чжоу, сменившей западную Вэй в Чанань]; но еще до выдачи ее Дом Ци также отправил посланника просить о браке. Кигинь, в надежде получить богатые подарки, хотел отказать первому. Ву-ди отправил Ян Цянь, губернатора области Лян-чжоу, и князя Цин для заключения договора. Цин убедил хана держаться верности и справедливости. И так Кигинь прекратил связь с домом Ци и утвердил брак с домом Чжоу”

[Бичурин 1950, Т.1., 232]. Результатом стал совместный поход войск Чжоу и тюрок на Ци. Около 567 г. дочь Кигиня действительно была отправлена к императору и вышла за него замуж.

Затем в 579 г. император Северного Чжоу выдал за Тобо-хана “дочь князя Чжао с наименованием Цянь-гинь царевны” [Бичурин 1950, Т.1., 234]. Впрочем, этого брака Тобо-хан добился путем запугивания и принуждения китайцев, благодаря нескольким успешным набегам и пограничным стычкам. Интересно, что в дальнейшем Цань-гинь играла важную политическую роль во взаимоотношениях между Китаем и тюрками в период правления Шаболио-хана (Нйету). Вероятно, последнему она досталась по наследству, как бывшая жена близкого родственника, что было вполне характерно для кочевников. Эта китайская принцесса на длительное время стала настоящей хатун, участвовала во внешней политике обоих государств и пользовалась авторитетом.

После 581 г. отношения между Китаем и тюрками изменились. В 581 г. был уничтожен северный Чжоу, и первым императором династии Суй стал Вынь-ди, который пренебрегал отношениями с кочевниками. В каганате же началась междоусобная война между Шаболио и Або. Шаболио был заинтересован в союзе с Китаем и для осуществления своих планов использовал династические аргументы. Сначала его жена “Цянь-гинь царевна в представлении просила государя поступить с ханом, как с сыном”. Затем “Шаболио отправил ко двору посланника с грамотой, в которой писал: “... Император, отец моей жены, следовательно, отец и мне; я муж его дочери, следовательно, и сын его...” [Бичурин 1950, Т.1., 236–237].

Император в ответ осторожно признал родство, отметил расположение к себе Шаболио, но послал на разведку своего сановника Юй Кин-цзе для того, чтобы тот смог увидеть “дочь” и принять “сыновью” почтительность хана. Опять же благодаря Цянь-гинь хан выполнил необходимые по китайскому этикету, но унижительные для него обряды преклонения перед властью императора и согласился сделаться “рабом Сына Неба из Дома Суй”. Благодаря союзу с Китаем Шаболио

справился с Або на западе и действительно укрепил свою власть.

По приказу императора, который теперь рассматривал хана тюрок как своего вассала, принцесса дома Чжоу, хатун хана – Цзянь-гинь получила прозвание Ян и была внесена в царскую родословную под именем Да-и. Примерно через десять лет после смерти Шаболио, около 596 г., Да-и стала жертвой интриг китайского двора и была убита преемником Шаболио Дулань-ханом. Вэнь-ди отрекся от своей “дочери”. Одновременно в противовес правящему хану тюрок Дулань-хану за сына Шаболио – Тули-хана – была выдана княжна из рода императора “с наименованием И-ань царевны. Государь, стараясь поселить раздор между северными кочевыми, нарочито усугублял почести...” [Бичурин 1950, Т.1., 241]. После довольно скорой смерти И-ань царевны за хана была выдана следующая принцесса – И-чен царевна. Подобная политика приносила свои плоды, тюрки были разделены и ослаблены и не представляли серьезной угрозы для Китая, а один из их предводителей – Тули-хан, стал послушным исполнителем воли императора. В дальнейшем И-чень царевне пришлось быть поочередно женой нескольких ханов, правивших после Тули-хана и проводивших более самостоятельную политику.

В источнике, датирующемся VIII в., высеченном на камне поминальном тексте в честь хана тюрок Кюль-тегина, говорится о том, что Кюль-тегин и его брат Могилян выдали свою сестру замуж за кыргызского Барс-бега [Бернштам 1946, 164]. В период очередного усиления тюрок в начале VIII в. хан Могилян настойчиво претендует на брак с китайской принцессой, получает ряд отказов, к 731 г. добивается этой чести, но, отравленный одним из собственных соратников, умирает, не дожив до столь желанного брака [Бичурин 1950, Т.1., 276–277].

Подобная практика была обычна и для западных тюрок, в состав державы которых, до ее распада в 630-е гг., входили хазары. Матерью Чуло-хана была китайская принцесса Сян-ши, происходившая из императорского рода Сунь. Тун Шеху-хан был союзником Китая в борьбе с восточными тюрками, претендовал на брак с китайской принцессой и получил обещание

императора породниться с ним, но дальнейшие обстоятельства не позволили состояться этому браку, и вскоре он был убит [Бичурин 1950, Т.1., 283–284].

Таким образом, примеров заключения тюрками династических браков и их использования в политических взаимоотношениях с Китаем и другими государствами более чем достаточно. На основе рассмотренных случаев можно уверенно говорить о существовании определенной устойчивой традиции брачных союзов. Практически каждый второй тюркский хан имел китайскую жену императорского рода. Как отмечал А.Н. Бернштам, скрепление военно-политических договоров между Китаем и Тюркским каганатом, как правило, происходило путем брака тюркского хана с китайской принцессой [Бернштам 1946, 187]. Даже если и не предполагать прямой династической связи между Западным тюркским и Хазарским каганатами, общность традиций в использовании династических браков и брачных союзов во внешней и внутренней политике представителями правящей верхушки обоих кочевнических образований вполне очевидна.

Кроме Китая и тюрков, на хазарскую практику внешнеполитических отношений, в том числе на такую ее разновидность, как заключение династических брачных союзов, могла повлиять и Византия. В течение длительного времени хазары были партнерами Византии в борьбе с арабами. Они заключали друг с другом союзы, вели переговоры, отправляли посольства, координировали совместные военные действия против арабов.

Известно, что византийская традиция внешнеполитических отношений в идеале не допускала династических браков с представителями варварских народов. В то же время, как отмечал Г.Г. Литаврин [Константин Багрянородный 1991, 341–342], эта идеализация была характерна не столько для дипломатической практики Византийской империи вообще, сколько для Константина Багрянородного в частности. Этот император активно выступает против династических браков в своем произведении “Об управлении империей” и обвиняет в них императоров-иконоборцев [Константин Багрянородный 1991, 57, 59–63]. В то же время известно, что сестра

Константина Багрянородного Анна была замужем за Людовиком Слепым, а его сын Роман II с 944 по 949 г. был женат на Берте-Евдокии, побочной дочери Гуго Арльского. Очевидно, что основной причиной подобных династических связей было желание приобрести союзников [Константин Багрянородный 1991, 344].

Таким образом, несмотря на замечания Константина Багрянородного, следует заключить, что династические браки византийского двора в X в. были нормой дипломатических отношений и правилом, а не нарушением традиции и исключением [Литаврин 1999, 447–448]. Так же и С.А. Иванов отмечает, что одной из форм византийского “миссионерства” и распространения христианства на близлежащих “варваров” было крещение варварских вождей. В результате иногда “варварские” аристократы или сам князь женились на гречанках. Все это имело целью политически привязать племенную элиту соседних народов к Византии и обеспечить ее влияние в пограничных регионах, прежде всего, в Восточной Европе и на Кавказе [Иванов 2001, 18].

Отрицательное отношение к бракам с хазарами со стороны Константина Багрянородного связано, как считает Г.Г. Литаврин, скорее всего, с тем, что они не крестились, а приняли иудаизм. Возможно, что осуждение Константином браков с хазарами связано и с политическими причинами. Когда хазары являлись партнерами Византии во внешней политике, подобные браки были возможны, когда же они превратились в ее врагов, старые соображения отошли на второй план, а “виновные” в подобных браках императоры стали рассматриваться как нарушители традиций.

В качестве аналогий могут быть приведены и другие примеры. Если говорить о ближайших соседях, а потом и преемниках Хазарского каганата, сменивших его на политической арене Восточной Европы ко второй половине X в., то необходимо вспомнить о Древнерусском государстве, правители которого поначалу носили хазарский титул каганов. По данным арабоперсидских авторов, в докиевский языческий период каганы (цари) русов (“русского каганата”) подражают хазарскому кагану в размерах гарема и интенсивности браков,

которые многие исследователи считают ритуальными. Большое количество жен или наложниц племенного вождя или правителя подчеркивало его могущественные возможности, определяло сакральную силу.

Ибн Фадлан дает следующее описание обычаев и образа жизни русов этого времени: “Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него. С каждым из них [имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготавливает ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы [выше] упомянули. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворит ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то оно подведет свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на нее верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведет свою лошадь на столько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. И он не имеет никакого другого дела, кроме как [сочетаться] с девушками, пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов, и замещает его у его подданных...” [Ковалевский 1956, 146].

По всей видимости, описанные Ибн Фадланом отношения и обычаи были характерны именно для той группы русов, которая ориентировалась не на Днепровский, а на Волжский торговый путь и в связи с этим была лучше знакома с внутренним устройством Хазарского каганата. Ее правители, вероятно, считали престижным копировать и воспроизводить хазарские брачные законы. Не зря восточные авторы говорят о “трех центрах или видах (“джинс”) руси” – Куябе, Славии

и Артании [Коновалова 1999, 145–148], в качестве которых современные исследователи видят, соответственно, Киев, Новгородскую землю и Северо-восточную Русь в районе Ростова Великого. В начале X в. торговавшие на Волге русы из “Артании” еще не подчинялись напрямую Киеву, имели особых правителей и, как показывают источники, приобрели специфические этнографические признаки. Эти особенности во многом унаследованы от хазарского государства и являются частью хазарской традиции власти в Восточной Европе. Киевские князья в гораздо меньшей степени восприняли эту традицию, противопоставляли себя хазарам и предпочитали иные направления культурных заимствований и династических связей.

Древнерусские князья никогда не заключали династических брачных союзов с хазарами, по крайней мере, источники ничего не знают об этом. В то же время династические браки были вполне привычным и характерным явлением для внешнеполитической деятельности Древнерусского государства. Общеизвестно, что киевские князья часто брали в жены представительниц европейских, скандинавских или византийских правящих династий и сами отдавали своих дочерей и сестер замуж за европейцев. Следует отметить, что в подобных отношениях, как правило, присутствует равноправие и взаимное признание. Русь, таким образом, становится одним из полноценных участников европейской политики. Как правило, можно говорить о единобрачии русских князей, поэтому в большинстве случаев, их дипломатические возможности такого рода были ограниченными.

В сравнение с хазарами по количеству браков и широте охвата заинтересованных сторон может быть приведен только Владимир I. По данным В.Т. Пашуто, он, кроме многих прочих жен, был женат на болгарке, чешке, гречанке (досталась в наследство от убитого Святополка, была, по всей видимости, монахиней, угнанной из Подунавья еще Святославом); на Рогнеде – дочери норманнского князя полоцкого Рогволода; затем с 990 г. и до 1011 г. (умерла) – на Анне, дочери византийского императора Романа, сестре Василия II; после, с 1012 г. и до смерти в 1015 г. – на немке, дочери немецкого графа Куно фон Эннингена [Пашуто 1968,

419]. Таким образом, порицаемая летописью похотливость Владимира явно укрепляла внешнеполитические позиции Руси.

Известно также, что Святополк Владимирович был женат с 997 по 1019 г. (умерла) на дочери польского короля Болеслава Храброго. Дочери Владимира I были замужем: Премислава – за герцогом венгерским Ласло Саром; Добронег-Мария – за польским королем Казимиром I Пястом, еще одна дочь, имя которой неизвестно, – за маркграфом норманнским Бернгартом. Дети Ярослава Мудрого были в браках с представителями византийских, немецких, венгерских, польских, норвежских правящих династий [Пашуто 1968, 419].

Таким образом, можно констатировать, что использование династических браков во внешней и внутренней политике Хазарского каганата находит соответствие в практике других государств того же периода. Было отмечено, что традиция заключения династических браков в Хазарии восходит к политическому опыту, накопленному кочевым населением Евразии в период существования Тюркских каганатов (первого и второго, западного и восточного). В новых исторических условиях представители правящих династий Хазарского каганата эффективно использовали свои династические союзы в интересах хазарской политики в Крыму, Причерноморье, Кавказе и Закавказье, Восточной Европе. Брачными союзами в разное время были охвачены такие соседи или союзники Хазарского каганата, как Византия, закавказские владения Арабского Халифата, Алания, Абхазия, Волжская Булгария и т. д. Особое значение Хазарии в военно-политической ситуации на рубеже и в первой половине VIII в. подчеркивается заключением нескольких династических браков с византийскими императорами.

К концу периода существования хазарского государства, в результате практически трехсотлетнего развития формируется

достаточно оригинальная и своеобразная тюрко-хазарская модель брачных отношений, распространенных среди представителей правящего класса. Династические браки как один из признаков полновластия правителя становятся прерогативой хакан-беков или царей Хазарии, которые женятся сами или женят своих сыновей на дочерях правителей наиболее сильных восточноевропейских народов (например, Алании или Волжской Булгарии). Хакан (каган), потерявший реальную власть и существующий лишь в качестве сакрального символа государства, сохраняет за собой, по всей видимости, право только на ритуальное многоженство, описанное Ибн Фадланом. Обилие его жен и наложниц является подтверждением его магической силы, обеспечивающей благополучие Хазарского каганата и его население. Потеря этой силы ведет к гибели (ритуальному умерщвлению) кагана.

Своеобразная и противоречивая хазарская традиция династических браков, сложившаяся в результате действия целого ряда факторов [Петрухин 2001; Цукерман 2002], не нашла продолжения у других народов после гибели Хазарского каганата. Единственной ближайшей параллелью является сакральное многоженство царя волжских русов, описанное восточными авторами. В политической истории раннесредневекового Киевского государства, особенно после принятия христианства, возобладали другие тенденции и культурные заимствования. Тем не менее, в определенной степени Киевскую Русь эпохи Святослава – Владимира можно рассматривать как политического преемника хазарского государства. В том числе это наследие может быть прослежено и в продолжающейся практике династических союзов и династических браков, ориентированных как на Византию, так и на новые, западноевропейские средневековые государства.

¹ В.Т. Пашуто считал, что Леvedия был женат на дочери кагана [Пашуто 1968, 92]. Впрочем, такое утверждение никак не следует из текста самого источника и не подтверждается другими данными, речь идет именно о “благородной хазарке”, которая могла происходить из какого-либо знатного, но не обязательно каганского рода.

² Нумерация народов в списке в круглых скобках жирным шрифтом дана специально, для удобства восприятия и облегчения подсчета – А.Т.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. История хазар.* Ленинград, 1962.
- Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI – VIII вв.* Москва–Ленинград, 1946.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Т.1. Москва–Ленинград, 1950.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.* Ленинград, 1979.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века.* Москва–Иерусалим, 1997.
- Голден П.Б. Государство и государственность у хазар: Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.* Москва, 1993.
- Григорьев В.В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия.* Санкт-Петербург, 1876.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв.* Москва, 1962.
- Иванов С.А. Миссия Восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир.* Вып. 10. Москва, 2001.
- История агван Моисея Каганкатвацы, писателя X в. / Перевод с армянского К. Патканьян.* Санкт-Петербург, 1861.
- История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Перевод с армянского К. Патканьян.* Санкт-Петербург, 1862.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Харьков, 1956.
- Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке.* Ленинград, 1932.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси.* Москва, 1999.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина.* Москва, 1991.
- Кулаковский Ю.А. История Византии.* Т.3. Киев, 1915.
- Литаврин Г.Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // Г.Г. Литаврин. Византия и славяне: сборник статей.* Санкт-Петербург, 1999.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв.* Москва, 1963.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.* Москва, 1990.
- Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева.* Москва, 2000.
- Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения, 1883, март.*
- Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси.* Москва, 1968.
- Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир.* Вып. 10. Москва, 2001.
- Плетнева С.А. Хазары.* Москва, 1986.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Перевод, статья, комментарий Я.Н. Любарского.* Санкт-Петербург, 1992.
- Семенов И. О набегах хазарского полководца Блучана на Грузию в VIII в. // Единнадцатая ежегодная международная конференция по иудаике. 3–5 февраля 2004 г. Тезисы докладов. Иудеи и хазары. Археология.* Москва, 2004.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. Вып. 8. Симферополь, 2001,*
- Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ. Вып. 9. Симферополь, 2002.*
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора.* Москва, 1980.
- Golden P. Khazar Studies.* Vol. 1–2. Budapest, 1980.
- Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars.* Princeton–New Jersey, 1954.